

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию

Гордеева Александра Геннадьевича

«Органы местного самоуправления как инструмент реализации внутренней политики антибольшевистских режимов на территории Алтайской губернии (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.)»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

К истории местного самоуправления на разных этапах его развития в последнее десятилетие приковано внимание представителей разных гуманистических специальностей – экономистов, политологов, историков. Период Гражданской войны уникален вдвойне. Советская власть в считанные месяцы сломила земства и городские самоуправления со всем их десятилетиями формировавшимся опытом и багажом. В то же время на окраинах они продолжали существовать в экстремальных условиях, и опыт их выживания представляет очевидный интерес. Недаром появляются все новые и новые исследования, в различном проблемном и территориальном аспекте рассматривающие упомянутую проблематику. Потому обращение Александра Геннадьевича к изучению органов местного самоуправления в одном из сибирских регионов можно признать вполне своевременным и научно актуальным.

Несмотря на такой общий вывод, диссертация А.Г. Гордеева кардинально отличается от многочисленных исследований предшественников. Они изучали органы местного самоуправления в качестве самостоятельного объекта либо обозначали отдельные аспекты их деятельности, либо формулировали целью анализ взаимодействия правительственные органов власти и управления и местного самоуправления. И это вполне оправданное намерение, реализованное ими в разной степени. Название представленной на отзыв диссертации свидетельствует, что ее автор считает местное самоуправление в Сибири во второй половине 1918 – 1919 г. инструментом реализации внутренней политики того или иного правительства (политического режима). Данный тезис не имеет ничего общего с действительностью. Нельзя признать актуальным изучение того, чего не было.

О неуверенности диссертанта в собственном названии говорит тот факт, что в тексте введения (с. 4) органы местного самоуправления названы механизмом государственного аппарата. А слово «инструмент» встречается в диссертации только в названиях самой диссертации, глав и параграфов. Больше оно не использовано в тексте исследования ни разу. Даже формулировки цели и задач диссертационного сочинения не соответствуют его названию (с. 15–16).

Важной стороной любого исследования, в том числе диссертационного, является четкое и понятное описание используемой терминологии и методологических позиций, на которых стоит исследователь. Даже если читатель в чем-то не согласен с позициями автора, пояснения, данные в отношении за-

нимаемых позиций и используемых терминов, позволяют установить общую систему координат, что создает предпосылку для объективной оценки. Именно поэтому следующим пунктом своего отзыва я хочу поставить проблему терминологического аппарата.

В названии диссертации и большинства параграфов упомянуты органы местного самоуправления. Но если мы прочтем первый параграф диссертации и автореферата, то складывается впечатление, что исследование посвящено только земствам. Из раздела историографии неожиданно выясняется, что диссертант изучает историографию «правительственного аппарата Белого движения» (с. 4). В названии параграфа 1.1 присутствуют структура и функции государственного аппарата. На с. 30 введения вдруг встречается трехкратное утверждение, что диссертант изучает органы местной власти Алтайской губернии. В обосновании структуры диссертации на той же странице автор пишет, что первая глава посвящена анализу земского и государственного аппарата, во второй и третьей главах анализируются только земства и Барнаульская городская дума. Сам диссертант нигде не попытался пояснить, что он понимает под органами местного самоуправления, местной власти, правительственными и государственными органами. Терминологический аппарат диссертации отсутствует. Заявленная в методологическом разделе приверженность количественному, биографическому, структурно-системному методам осталась декларацией, не нашедшей применения в диссертации.

Теперь обратимся к историографическому обзору. Он начинается с описания литературы 1920-х гг., в частности с утверждения, что в эти годы на историографию оказывали влияние ленинские работы, оценки Гражданской войны, которые давались на партийных съездах и конференциях, пленумах ЦК (с. 4–5). Сразу возникает впечатление, что автор не читал те публикации, на которые ссылается. Во-первых, указанные черты, характерные для более поздней историографии, не прослеживаются в 1920-х гг., и уж ни в коей мере не свойственны трем изданиям, приведенным в примечании (с. 5, прим. 2). Во-вторых, данный ошибочный тезис со всеми характерными особенностями аргументации и со ссылками на те же три публикации встречаются в диссертации А.А. Мышанского (с. 6, 28; прим. 3). Можно отметить еще несколько «творческих» заимствований из историографического раздела диссертации А.А. Мышанского. Например, пассаж о статье П.И. Абрамова, публикациях Т.В. Мальцевой и Г.З. Иоффе, общая характеристика советской историографии 1950–1960-х гг., характеристика постсоветских исследований Т.В. Мальцевой. Прямых воспроизведений нет, заимствования из первоисточника делались методом перефразирования, но факт плагиата в историографическом обзоре введения сомнения не вызывает. Чтобы установить данный факт, достаточно сравнить соответствующие места диссертаций А.Г. Гордеева (с. 8–10, 12; прим. 9–12, 16, 24) и А.А. Мышанского (с. 8–10, 12–13; прим. 8, 10, 12, 14, 16, 21, 22) и установить очевидные нарушения п. 14 Положения о присуждении ученых степеней.

Обращает на себя внимание, что автор делает большие экскурсы в историографию российских земств пореформенного времени, перечисляет советские издания по истории сибирских регионов и городов, в которых ничего не написано по теме диссертации (с. 9), дает общую характеристику современной литературы о «Белом движении» на Юге, Севере и Северо-Западе (с. 11–12), а также перечисляет многочисленные публикации по истории Гражданской войны в России, не связанные с темой исследования. Вместе с тем анализ диссертации А.А. Мышанского, главного предшественника в изучении темы, занимает девять строк и свидетельствует о полном непонимании вклада этого автора в историографию. Примечательно, что характеристика тезисов доклада Н.Я. Кривоносова занимает также девять строк. Кстати, эта характеристика целиком позаимствована из диссертации А.А. Мышанского (Гордеев, с. 14; Мышанский, с. 13).

В историографическом обзоре не нашли отражения специальные публикации по истории земств Сибири в годы Гражданской войны, использованные в основной части исследования (с. 32, 33, 35, 36, 39, 42, 49 и др.). Получается, что историографический анализ во введении и реальная историографическая база основной части диссертации практически не коррелируются. Усиливается это впечатление тем, что во введении ссылки даются только на издания целиком, причем, даже если диссертант ссылается на вполне конкретную информацию или характеризует отдельные части публикаций предшественников. На наш взгляд, это нарушение правил цитирования, тем более явное, что в основной части диссертации везде аккуратно даются точные ссылки на страницы изданий.

Но больше всего историографический обзор введения и основная часть диссертации примечательны тем, что автор демонстрирует незнакомство с большинством ключевых исследований по своей теме. Самым первым и важнейшим вкладом в изучение истории земств в Сибири в годы революции и Гражданской войны является публикация Н.С. Юрцовского, о существовании которой диссертант не мог не знать (с. 8). В ней проанализирована нормативная база и рассмотрены сложности проведения выборной кампании в 1917 и 1918 гг. Если историю появления земств в Сибири диссертант считает важной частью своей историографии (упоминает публикации М.В. Угрюмовой и Н.В. Яковлевой), то научную литературу о городском самоуправлении, а она куда богаче (монографии и диссертации А.В. Литягиной, Л.А. Ереминой, О.В. Чудакова), игнорирует. Потому и в диссертации А.Г. Гордеева городское самоуправление появляется только после Чехословацкого переворота.

Исследования органов местного самоуправления на востоке России в годы революции и Гражданской войны долгие годы были преданы забвению. Настоящее открытие темы начинается с публикаций М.В. Угрюмовой, Н.В. Яковлевой в середине 1990-х гг., и к сегодняшнему дню тема достаточно хорошо исследована. Как на макрорегиональном уровне, так и в территориальных рамках отдельных регионов работают более десятка авторов, защищено несколько диссертаций, опубликовано несколько монографий, цик-

лы статей. Без преувеличения можно утверждать, что девять десятых историографии темы последнего двадцатипятилетия диссиденту не ведомы. Это очень серьезный недостаток, не позволяющий А.Г. Гордееву претендовать на успешный сравнительный анализ.

Нельзя не отметить, что сформулированная диссидентом цель исследования (с. 15) не соответствует названию. Предложенные автором задачи исследования отчасти выходят за рамки цели и не охватывают ее целиком. Из пяти задач три имеют в виду только земства. Лишь одна задача связана с изучением городского самоуправления. Совершено неоправданно даже не предполагается изучение порядка формирования, состава, основных направлений деятельности городских самоуправлений. Получается, что две части объекта исследования диссидент собирается исследовать по разным основаниям, что недопустимо. Что касается пятой задачи (исследовать процесс включения органов местного самоуправления в структуру государственного аппарата антибольшевистских правительств на востоке России), то решить ее невозможно. Как уже отмечалось выше, антибольшевистские правительства активно взаимодействовали с земствами и городскими самоуправлениями, проводили по отношению к ним особую политику, но не делали попыток включить их в структуру государственного аппарата. Хронологические рамки исследования (июнь 1917 – декабрь 1919 г.) (с. 16–17) не совпадают с указанными в названии.

История органов местного самоуправления в Алтайской губернии в годы Гражданской войны хорошо обеспечена источниками. Фонды ряда уездных управ и городских самоуправлений до нас не дошли. Но их делопроизводство сохранилось в фонде губернской земской управы, управляющего губернией, документах МВД и других министерств Российской правительства. В Алтайской губернии во второй половине 1918–1919 г. выходило 32 наименования газет и 10 наименований журналов. Три издания выпускались земствами. В других изданиях существовали рубрики, освещавшие городскую и земскую жизнь. Материалы двух из трех проводившихся Алтайским губернским земством собраний и Барнаульского уездного земского собрания опубликованы.

В целом автор дал во введении краткий, но вполне емкий и информативный обзор источников (с. 20, 22–25). Проблема заключается в том, что использованы эти источники фрагментарно и бессистемно. Ключевым фондом для изучения правительенной политики в отношении органов местного самоуправления является фонд ГАРФ – Ф. Р-141. В нем около сорока дел, специально посвященных Алтайской губернии. В диссертации использовано два документа из двух дел. Привлечение законодательных источников только декларировано. Содержание ключевых нормативных актов, регулировавших деятельность земского и городского самоуправления, излагается на основании чужих исследований, либо описаний в случайно найденных архивных документах. Имеющиеся в основном тексте ссылки на научные издания законодательных актов антибольшевистских правительств не должны обманывать читателя.

нывать читателя. Диссертант использует в работе лишь введения к этим изданиям (см. прим. на с. 53, 68, 117, 127). Ни одна оперативная публикация земских документов не использована. География использованных периодических изданий не позволяет решить поставленные задачи. На всю диссертацию встречается только 11 сносок на газеты. В первой главе их нет вообще, в двух параграфах, посвященных Барнаулу, диссертант обращается к газетам 7 раз, в разделах, посвященных земствам и правительственной власти – 4 раза. Лишь одно специализированное земское издание использовано единожды (с. 99).

Значительный объем диссертации занимает подробный пересказ губернских земских собраний и журналов Барнаульской губернской управы, Барнаульской и Бийской городских дум. Столь же значимые для истории земства уездные земские собрания, бережно сохраненные архивистами, диссертант не удостоил своим вниманием. Журналы и частично материалы Чрезвычайного, Первого и Второго губернских земских собраний опубликованы, но А.Г. Гордеев, не осведомленный о этом, ссылается на архивные документы. Обращение к другим делопроизводственным источникам носит фрагментарный и случайный характер. Продемонстрирую данное утверждение на одном примере. Название города Камня в связи с разными событиями и упоминание Каменской уездной земской управы встречается в тексте диссертации около 50 раз. Но нет ни одного упоминания о существовании и деятельности Каменского городского самоуправления. Специального фонда Каменского городского самоуправления не сохранилось, но в фонде Каменской уездной земской управы есть дело с комплектом протоколов городской управы г. Камня (ГААК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2а). Диссертант его использовал, но извлек из него два документа, не имевших никакого отношения к управлению городом (с. 93). Примеры, указывающие на случайное привлечение документов, можно продолжать.

Завершая анализ источниковедческой подготовки диссертанта, отмечу, что к достоинствам представленной диссертации следует отнести аккуратные и полные ссылки на источники в основной части. Архивная легенда даже сопровождается названием документа. Такое внимание к источнику редко встретишь и у маститых историков. Эта особенность резко контрастирует с оформлением научно-справочного аппарата введения, не содержащего точных отсылок.

Нелогичность структуры диссертации представляется очевидной. Во-первых, обращают на себя внимание неудачные формулировки названий глав и параграфов, входящих в явное противоречие с названием диссертации. В первой главе речь идет о государственном и земском аппарате. Непонятно, почему проигнорирован аппарат городского самоуправления. Из заглавия не ясно, что подразумевается под местной властью – государственная или иная. Кроме того, структура и функции могут быть у самого земского самоуправления, но не у аппарата. Во второй главе опять в названиях фигурируют государственный и земский аппараты. Отдельные параграфы посвящены Барна-

улу и уездам Алтайской губернии. Непонятно, почему в структуре отсутствует губернское земство, волостное земство и органы городского самоуправления. Третья глава начинается с параграфа 3.1 о структуре, численности и функциях земского аппарата. Очевидно, что утверждение колчаковского режима никаких изменений в структуру и функции земств не привнесло. Зачем же рассматривать одну и ту же проблему в отдельных параграфах двух разных глав? Содержание параграфа только подтверждает данный тезис, так как из информации, относящейся к названию, речь в нем идет только о динамике численности служащих, и на с. 123 упомянуто о совмещении должностей по курированию разных отделов в связи с призывами служащих в армию. В третьей главе два параграфа посвящены рассмотрению функций местного самоуправления: параграф 3.1 функциям аппарата земств Алтайской губернии, параграф 3.3 – функциям местного самоуправления в уездах. Возникает вопрос, разве у земств в целом и земств на уездном уровне функции были разные? Ответа на этот вопрос мы не получаем, так как в параграфе 3.3 о функциях местного самоуправления не говорится ничего.

Не менее серьезные проблемы связаны со структурированием текста внутри параграфов. В параграфе 1.1 («Организация государственной и местной власти»), вопреки названию, ни о какой государственной власти речь не идет. Он целиком посвящен проблеме формирования губернского земства в период с лета 1917 до лета 1918 г. Следующий параграф посвящен хозяйственной деятельности земств. Нигде не установлена структура и иерархия направлений этой деятельности. О существовании целых отделов, отвечавших за эти направления, читатель узнает случайно по ходу пересказа докладов, сделанных на губернском земском собрании. Трудно понять, почему в этом же параграфе автор предлагает рассмотреть деятельность Алтайской горной думы, но посвящает ей лишь два небольших абзаца – два отрывочных факта (с. 48–49).

В параграфе 2.1 («Структура, численность и функции государственного и земского аппарата») описывается процесс восстановления только губернского земства, а точнее, приведена информация по этому поводу, которая зафиксирована в журналах заседаний Чрезвычайного губернского земского собрания (с. 53–58), на следующих трех страницах перечислены отделы губернского земства, утвержденное собранием штатное расписание, фамилии принятых на службу. Однако следом приводятся сведения о сборе налогов и распределении отдельных земских поступлений, весьма отрывочные. Они помещены в данный параграф просто потому, что сведения об этом содержатся в тех же журналах Чрезвычайного земского собрания (с. 61–63). Далее диссертант пытается рассказать о создании и деятельности земельного отдела губернского земства. Наконец, в завершении параграфа дана информация об утверждении в должности губернского комиссара и организации милиции (с. 68–72). Чем мотивирована такая комбинация материала параграфа – непонятно. Вопреки названию хронологически он ограничен июлем–августом 1918 г., территориально – губернским центром.

Параграф 2.3 («Местное самоуправление как инструмент реализации внутренней политики "демократической контрреволюции" в уездах Алтайской губернии») снова начинается с изложения содержания журналов Первого и Второго губернского земского собрания, теперь уже в части докладов с мест (с. 83–87). Потом совершенно неожиданно диссертант переходит к рассказу о работе Бийской городской думы (с. 87–93), затем посвящает по одному абзацу Каменскому и Горноалтайскому уездным земским органам и после этого неожиданно переходит к освещению работы правительственные и земских инструкторов с подробнейшим пересказом содержания докладов, зачитанных на организационном съезде заведующих инструкторских отделов уездных земств (с. 93–108). Завершается параграф детальным изложением инструкции о выборах волостных земских гласных (с. 108–110), даже не датированной диссертантом. О правительственной политике в отношении земств речь в параграфе не идет, если не считать направление в Алтайскую губернию нескольких инструкторов.

Из экономии места не станем анализировать внутреннюю структуру параграфа 2.2 и параграфов третьей главы. Логику, в соответствии с которой фактический материал приведен внутри параграфов, понять невозможно. Часто возникает впечатление, что читаешь минимально литературно обработанные выписки из источников, приведенные в случайном порядке. Внимание автора на одном предмете держится не более двух–трех абзацев, потом переходит на другой предмет без всякой связи и логики. Но порой диссертант позволяет «перескакивать» с одной темы на другую дважды–трижды внутри одного абзаца. Именно поэтому внутри каждого параграфа можно найти информацию обо всем, отрывочную и часто не связанную между собой (с. 37–38, 40, 43–44, 44–45, 47, 79 и др.). Сведения о земском налогообложении встречается на с. 38, 43, 79, 105–106, 108, 119, 125, 152, 162–163; проблемы школьного образования – на с. 46–47, 48, 85, 90, 118, 124–125, 133–134, 186; медицинского обслуживания – на с. 90–91, 130, 161; об участии самоуправлений в решении жилищной проблемы – на с. 79–80, 83, 147, 150, 159; о беженцах – на с. 66, 165, 179. Волостное земство упомянуто в тексте диссертации более 150 раз, но информация о его создании, взаимодействии с вышестоящими земскими органами встречается в нескольких местах в разных параграфах диссертации (с. 31, 83–84, 101, 105, 107–110, 117, 169–179). На с. 101 содержится сомнительное утверждение, что волостные управы являлись административными органами и земскую работу почти не вели.

Примеры можно продолжать. Значительная часть диссертации отведена подробному пересказу сложного источника – журналов заседаний Алтайской губернской земской управы, губернских земских собраний, Барнаульской или Бийской городских управ. В каждом журнале рассматривается по порой несколько вопросов. В тексте диссертации все это воспроизводится в том порядке, в каком встречается в журналах, то в больших цитатах, то весьма лапидарно и кратко. Причем автор допускает обширное цитирование документов, содержащих малозначительные детали, трудные для понимания све-

дения, списки фамилий. Но если автору приходится иметь дело с небольшими по объему делопроизводственными документами, уловить связь в последовательности приведения фактического материала практически невозможно.

В тексте встречаются и противоположные примеры. В качестве самостоятельного, но вполне внутренне структурированного сюжета представлена история создания и работы правительской и земской инструкторских служб. Он логично выстроен, имеет самостоятельный историографический обзор, завершается обособленными выводами (с. 95–108). Аналогично выглядят два структурно обособленных фрагмента о деятельности Бийской городской управы (с. 88–91, 162–166). Помещая внутри диссертации собственные ранее опубликованные статьи, Александр Геннадьевич включил в их текст дополнительные сноски на эти же самые статьи (с. 32, 88, 89, 91, 96, 99, 101, 162; прим. 52, 220, 227, 230, 234, 237, 260, 269, 271, 462, 465, 473, 475, 476). Данный прием является некорректным самоцитированием.

В тексте часто встречаются неверные, ошибочные утверждения (фактические ошибки), небрежные выражения и формулировки, в результате которых утрачивается смысл написанного или возникают противоречия. Правда, сам автор этого не замечает. Примеры можно привести буквально на любой странице, но целесообразно ограничиться только наиболее впечатляющими.

Фактические ошибки: на с. 64 утверждается, что Временное Сибирское правительство передало в ведение земств «функцию заведования земельными делами», что не соответствует действительности. На той же с. 64 утверждается, что земельный отдел губернской земской управы был создан в августе 1918 г., а на с. 65 – что это произошло 11 сентября 1918 г. Неудачные формулировки: на с. 64 автор пишет, что ведение земельных дел правительство передало местному самоуправлению, не потрудившись уточнить, какому именно. Данный пример отражает отсутствие навыков использования научного языка. А.Г. Гордеев и в других местах диссертации пользуется словосочетанием «местное самоуправление» как синонимом и земских, и городских органов. При этом он не замечает, что фразы «Алтайское самоуправление» (с. 21, 24) или «Барнаульское самоуправление» (с. 82), «региональное самоуправление» (с. 18) не позволяют понять смысл высказывания.

В диссертации трижды повторяется мысль, что антибольшевистские правительства видели в земствах бесплатный аппарат для взимания налогов (с. 116, 145, 187). Диссертант не смущается тем, что земства взимали земские налоги, а не государственные. В заключении (с. 187) автор утверждает, что, не справившись с решением земельного вопроса, правительство переключило внимание на развитие промышленности. Очевидно, А.Г. Гордеев не понимает, что это не альтернативы, а два разных направления внутренней политики. Для проведения каждого существовало специальное министерство. Все вышеупомянутое, как и многое другое, свидетельствует об отсутствии понимания проблем, о которых диссертант пытается рассуждать.

В диссертации есть выводы по каждому параграфу. Заключение является их повторением и суммирует сказанное в основной части. Представляется, что многие выводы поспешны и сделаны на основании отдельных источников, без их критического анализа, без попытки привлечь более широкую совокупность доступных данных, а подчас сформулированы настолько небрежно, что понять их практически невозможно. В подтверждение позволю короткую цитату из заключения: «К концу 1918 г. система взаимоотношений внутри земской структуры работала только при взаимоотношениях губернского и уездного земства» (с. 184).

Заявка диссертанта на комплексное изучение органов местного самоуправления осталась нереализованным намерением. Вместо этого получилось их фрагментарное и бессистемное описание, выполненное, несмотря на обилие архивных сносок, на очень узкой источниковом базе. Из поля зрения автора выпали многие направления деятельности органов местного самоуправления, многие доступные и необходимые для изучения темы источники.

При написании заключительной части диссертации автор совершенно забыл об исследовательских задачах, которые поставил во введении. Мы же терпеливо к ним вернемся и попробуем понять, с чем диссертант справился, а с чем – нет. В рамках решения первой задачи: «выявить особенности формирования Алтайского земства, его структуру и состав» (с. 16) из всех особенностей формирования земских органов в Алтайской губернии диссертант отметил лишь то, что оно происходило в условиях создания самой губернии. К сожалению, А.Г. Гордеев устранился от решения задачи в целом, подменив ее описанием создания губернской земской управы. История формирования уездных земских органов – неотъемлемые части решения данной задачи. Но об этом в диссертации ничего не сказано, если не считать текста в два небольших абзаца об обстоятельствах создания Алтайской горной думы (с. 35–36), как известно, детально изученных и описанных историографии до А.Г. Гордеева.

Вторая задача – изучение специфики механизма реализации основных функций земства. Понять, что автор имеет в виду, в данном случае сложно. Нигде не разъяснив, что следует понимать под функциями, А.Г. Гордеев тем не менее периодически пытается выстроить иерархию направлений деятельности земств. По его утверждению, основным был земельный вопрос. Никаких убедительных аргументов диссертант не приводит. Вторым по значимости вопросом диссертант называет строительство больниц (с. 130). Тождественны ли направления функциям или нет – остается загадкой. Но если да, то диссертант пишет только о некоторых направлениях деятельности земств, игнорируя большинство, что вообще не дает основания судить о приоритетах.

Третья из поставленных задач – раскрыть особенности городского самоуправления в Алтайской губернии. Тема городского самоуправления так и осталась своеобразным пасынком диссертации. Диссертант не знаком ни с

нормативной базой, на которой строили работу городские органы, ни с весьма обширной историографией проблемы. Он пытается судить о ней на основе журналов заседания городских дум Барнаула и Бийска, что дает и неполные, и несколько искаженные представления. Недаром единственный тезис, который докторант выдвинул (исключительно на примере Барнаула): политическая борьба негативноказывалась на городских органах. Тезис далеко не новый, выдвигался и обосновывался предшественниками и по отношению к земствам (В.В. Журавлев, А.А. Мышанский и др.), и по отношению к городским органам (Н.М. Дмитриенко, А.В. Аверин и др.). Ряд направлений деятельности органов городского общественного самоуправления автором оставлены без внимания, о других приведены лишь некоторые отрывочные данные в соответствующих параграфах диссертации. В заключении диссертации о городском самоуправлении вообще ничего не сказано, в формулировке выдвинутых на защиту положений – только о барнаульском самоуправлении.

Пожалуй, дальше всего А.Г. Гордеев продвинулся на пути решения четвертой задачи: рассмотреть процесс создания волостного земства и особенности его функционирования в Алтайской губернии. Волостному земству посвящены довольно значительные разделы диссертации. Нельзя не отметить, что судит о нем автор на основании высказываний участников губернских земских собраний и инструкторов. Материалы самих волостных земств, делопроизводственные документы, отражающие взаимодействие волостного и вышестоящих уровней земского управления, автором не привлекались. В диссертации ничего не сказано о выборах волостных земств в сентябре – октябре 1917 г., о начальном этапе их создания в конце 1917 г. и трансформации в волостные исполкомы. Таким образом, можно констатировать частичное решение данной задачи и описание разных уровней земского управления в несопоставимых хронологических рамках.

Решить последнюю из поставленных А.Г. Гордеевым задач – исследовать процесс включения органов местного самоуправления в структуру государственного аппарата – у докторанта не было никаких перспектив. В тексте он ограничился голословными утверждениями о том, что земства стали частью государственного аппарата, и упоминанием Декларации Российского правительства от 5 марта 1919 г. (с. 116, 145), с которой сам не ознакомился. Иначе бы он легко убедился, что данный источник не подкрепляет, а опровергает выдвинутый тезис. Ни в выводах, ни в заключении А.Г. Гордеев не привел ни одного дополнительного аргумента и не попытался самостоятельно развивать выдвинувшее положение о подчинении органов местного самоуправления государству.

Таким образом, из пяти поставленных задач лишь одну можно признать частично решенной. Остальные преданы забвению.

Во введении в шести пунктах сформулирована новизна проделанного А.Г. Гордеевым исследования (с. 26). Примечательно, что в них не упомянуто городское самоуправление. Вся новизна касается только земств, как будто

только им и посвящена работа. Пункт первый, гласящий, что диссертант впервые провел комплексный анализ деятельности земских органов, не соответствует действительности. Можно также констатировать, что автором не изучен кадровый состав земств и не представлено никаких профессиональных характеристик служащих. Два документа, включенные в приложение (с. 224–228), мало что дают для понимания темы и остались даже не проанализированы в тексте диссертации. Вместо этого приведено штатное расписание губернской земской управы и процитирован ряд негативных, но крайне субъективных высказываний инструкторов и руководящих работников земств о низкой квалификации служащих нижних ступеней земского аппарата управления. Следовательно приписывание себе вторым пунктом новизны в решении данной научной проблемы также недостоверно.

Деятельность инструкторов-информаторов МВД действительно изучена, о чем гласит пункт третий. Но приоритет в этом принадлежит не диссиденту. Тема исследовалась до А.Г. Гордеева неоднократно и на достаточно широкой источниковской базе. В чем же состоит новизна?

Следующий пункт гласит, что изучена деятельность земства в реализации политики антибольшевистских правительства. Антибольшевистские правительства реализовывали свою внутреннюю политику через весьма разветвленную структуру местных правительственные учреждений, относившихся к разным ведомствам, но никак не через земства. Земства действительно тесно взаимодействовали с правительственные органами по решению многих проблем населения, но об этом как раз в диссертации практически ничего не сказано.

Несомненным представляется лишь утверждение, что автор использовал значительное количество новых архивных источников, что соответствует пункту пятому. Но никаких практических рекомендаций для современного самоуправления А.Г. Гордеев не дал, вопреки тому, что гласит пункт шестой. Таким образом, из шести пунктов, в которых диссидент формулируют новизну проделанного исследования, можно согласиться только с одним.

Если обратиться к анализу восьми положений, выносимых на защиту, то нельзя не отметить крайней небрежности, невнятности их формулировок, сомнительности содержащихся в них утверждений.

Что касается первого положения о том, что алтайское земство с июля 1917 г. по март 1918 г. «смогло создать функционирующую систему местного самоуправления» (С. 27), нельзя не отметить, что диссидент не показал в своем исследовании всю систему управления, ограничившись только губернским уровнем, тогда как в 1917 г. начал формироваться и уездный и даже волостной аппарат земского управления. В то же время категорически нельзя назвать его функционировавшей системой. Реально заработал только школьный отдел губернского земства, остальные пребывали в стадии готовности к работе.

Второе положение не нашло достаточного подтверждения в тексте диссертации. Оно многословное и его сложно воспроизвести в тезисной форме.

Категорические возражения вызывает характеристика деятельности земства в земельном вопросе как идущее в русле политики правительства. Прямо противоположный тезис можно считать историографически доказанным (И.И. Кротт, П.Ф. Назыров, В.М. Рынков). Ни деятельность правительства, ни работа земства автором не изучены, если не считать характеристики земельных советов, сделанной по косвенным источникам (с. 64). Вызывает возражение и характеристика всего алтайского крестьянства как нуждающегося в земле. В действительности речь шла о наделении 110 тыс. земельно неустроенных переселенцев.

В пункте 3 заявление о том, что правительство адмирала Колчака рассматривало местные самоуправления как часть государственного аппарата, является некритически воспроизводит некоторые положения диссертации А.А. Мышанского, а не является результатом самостоятельного исследования. Утверждение автора о том, что Алтайские губернские и городские органы были более лояльны Российскому правительству, чем в других регионах, во-первых, не базируется на материале основной части – автор не проводил никаких межрегиональных сопоставлений, а во-вторых, не соответствует действительности.

В пункте 4 автор утверждает, что «Земство и гражданская администрация смогли набраться нужного опыта». Смысл данной формулировки не понятен, в тексте диссертации оснований для подобного заключения нет. Утверждение о том, что в 1919 г. земства не смогли развернуть активную деятельность ошибочно по существу и связано с тем, что А.Г. Гордеев просто проигнорировал основные направления работы земств, которая продолжалась до начала осени, несмотря на сокращение штатов.

Можно согласиться с содержащимися в пункте 5 утверждениями о негативном влиянии межпартийной борьбы на работу барнаульском городского самоуправления. Но они касается только одного города и отражает ситуацию второй половины 1918 г., а не всего изученного периода.

В пункте 6 А.Г. Гордеев пишет, что «Кредит доверия земства, имевшийся у населения, был потерян за полгода». Но в тексте диссертации он неоднократно утверждал, что крестьянство изначально относилось к земствам с недоверием, подтверждая это применительно и к последующим месяцам (с. 35, 110). Едва ли можно согласиться с тем, что причина утраты доверия населения к земствам объясняется отношением к земству милиции и военных. Это были проблемы периферийные в сравнении с дефицитом бюджета, слабым кадровым обеспечением и рядом других факторов. К тому же в диссертации приведены лишь несколько фактов бесчинств милиции и военных, которые не позволяют воспринимать их как решающие. Утверждение о том, что отказ А.В. Колчака от сотрудничества с эсерами привел к сужению социальной базы режима, сделан исключительно на основании выводов предшественников в отношении особенностей эволюции колчаковского режима в целом. Он дважды формулируется в диссертации в самом общем виде и не подкреплен никакими новыми, тем более региональными материалами

(с. 153, 180), поэтому не может считаться авторским тезисом, выносимым диссертантом на защиту.

Непродуманность и небрежность формулировок не позволяет оценить положения 7, 8. Достаточно процитировать один из тезисов автора, состоящий из сплошных ребусов: «Земские инструкторы Алтайской губернии обнаружили в своей деятельности тенденцию, характерную для Белой Сибири: работники верно обозначали стоящую перед ними проблему, но им не хватало компетенции для ее решения. Напрямую взаимодействовать с крестьянами должны были земские инструкторы».

Подводя итог, можно считать успешно доказанным только пятое положение, носящее, впрочем, частный характер для целей исследования, а также четвертое, несмотря на неудачность формулировок, по существу представляется вполне обоснованным в той части, где автор утверждает, что политический кризис второй половины 1919 г. привел к стремительному свертыванию работы органов местного самоуправления.

Таким образом, лишь два из восьми положений, вынесенных на защиту, и то с оговорками, представляются обоснованными, в том числе и содержанием диссертации. Остальные вызывают категорические возражения в целом или в существенной своей части. Они не доказаны содержанием диссертации, не раскрыты приводимым фактическим материалом.

В завершение нельзя не отметить грубейших недостатков в оформлении научно справочного аппарата диссертации. В списке использованных источников и литературы содержится 245 наименований. Из них к литературе (опубликованные источники, научно-справочная литература и исследования) относятся 226. Из этого числа 137 наименований в диссертации не упоминаются. Таким образом, список на 60% является «муляжом». Кроме того, в тексте диссертации в примечаниях приведены 45 публикаций, которые не включены в список источников и литературы. Такие масштабные нарушения правил оформления научно-справочного аппарата следует признать недопустимыми в квалификационном сочинении.

Автореферат вполне отражает содержание диссертации со всеми ее достоинствами и недостатками. А.Г. Гордеев является автором 11 публикаций, из которых 10 относятся к теме диссертационного исследования. С определенными оговорками, относимыми к введению, можно признать, что диссертация, точнее, ее основная часть, является самостоятельным и творческим сочинением. Сформулированная цель исследования не соответствует названию. Указанные в названии диссертации хронологические рамки не совпадают с теми, что сформулированы во введении и раскрыты в основной части. Автор не владеет научной литературой, необходимой для раскрытия темы. Заявленная методология не соблюдена. Структура диссертации представляется совершенно нелогичной, содержит множество противоречий. Основная часть диссертации не выходит за рамки изложения и цитирования источников. Большинство вынесенных на защиту положений автору обосновать не удалось. В диссертации присутствуют нарушения правил цитирования.

Нарушения правил оформления научно-справочного аппарата имеют массовый характер.

Представленная на отзыв диссертация Александра Геннадьевича Гордеева «Органы местного самоуправления как инструмент реализации внутренней политики антибольшевистских режимов на территории Алтайской губернии (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.)» не соответствует основным квалификационным требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание степени кандидата исторических наук. Ее нельзя признать соответствующей критериям п. 9 и 14 Положения о присуждении ученых степеней по специальности 07.00.02. – Отечественная история. На основании вышеизложенного я не рекомендую диссертационному совету Д. 212.005.08 при ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» присуждать Александру Геннадьевичу Гордееву степень кандидата исторических наук за представленную к защите диссертацию.

Официальный оппонент
кандидат исторических наук
(специальность 07.00.02 – Отечественная история)

Рынков Вадим Маркович

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
директор
Почтовый адрес: 630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Каб. 314.
Телефон: 8-383-330-13-49
Адрес электронной почты: director@history.nsc.ru

